

В рамках празднования 550-летия Казахского ханства мы начинаем публикацию цикла работ ученых о великих деятелях, жизнь и деятельность которых самым тесным образом переплеталась с Великой степью.

Сегодняшний номер посвящен Льву Гумилеву: Великая степь определила его научное мировоззрение и вывела аксиому мирного сосуществования на евразийском континенте.

ЛЕВ ГУМИЛЕВ С ПРОШЛЫМ

Ерлан СЫДЫКОВ

Поразительное умение Льва Гумилева соединять прошлое с настоящим, находя в повседневной жизни отголоски древности, удивительно точно коррелирует с казахской традицией сопоставлять все происходящее в жизни с опытом предков. Исследовательская дерзость Гумилева, своеобразный алгоритм научного поиска, фантазия, жизнелюбие, проницательность не могли не завоевать умы и воображение потомков воинственных кочевников-тюрков. Да и сам историк часто демонстрировал глубокое понимание поступков казахов, обязательно соотнося их с историей, обычаями, традициями.

Из общих впечатлений, воскрешая в памяти тексты ученого и, безусловно, помня, сколько было сделано в Казахстане

в годы независимости для увековечения его памяти, можно сказать, что отношения Гумилева и Казахстана складывались комплиментарно — с положительным знаком.

Говорить об этом приходится по той причине, что в советское время выразить почтение Гумилеву удавалось не каждому, поскольку на государственном уровне или просто на уровне научных связей высказывать уважение никто не торопился — репутация опального ученого сдерживала благодушных функционеров на любом уровне.

Естественно, не было знаков повышенного внимания со стороны представителей правительственных органов республик Советского Союза, несмотря на громкое декларирование Гумилевым предпочтений. Отношение не только к казахам, но ко всем тюркским этносам ученый, как говорит-

ся, навечно выразил в предисловии («От автора») к книге «Древние тюрки» (1967): «Посвящаю эту книгу нашим братьям — тюркским народам Советского Союза».

Возможно, решающую роль сыграл генотип — все то же безоглядное этническое узнавание «своего» на уровне сигнальной наследственности. Ведь писал Гумилев о чувствах, которые роднят его с казахами: «Самое интересное: есть такое явление — ностальгия, когда человек не может жить в чужом месте. Ландшафт действует принудительно, через биополе. Тот, кто привык жить в горах, не будет жить на равнине. Кто привык жить на островах, для того скучна монгольская степь. Должен сказать, что я горы терпеть не могу. Обожаю степь, и великолепно в ней ориентируюсь. А почему, я даже сказать не могу. Ведь мои предки жили здесь в Петербурге, в Царском Селе, привычки никакой не было. Видимо, наши общие предки, предки отца и матери, жили в тех равнинных ландшафтах, которые создали определенный настрой биополя, благодаря которым мы предпочитаем открытые пространства закрытым: горным или даже лесным. Подсчитать, изучить этот феномен можно, но как сам факт он хорошо всем известен» («Юность», 1990, №2).

Разделяя братские чувства ученого, тюркские народы Советского Союза не имели системных возможностей высказать ответную благодарность — по указанной выше причине. Открытое общение осуществлялось только на несистемном, личном уровне.

делегации, говорили теплые искренние слова, дарили халаты, пиалы и тюбетейки, но тем все и ограничивалось. Никакой более значимой поддержки ни со стороны местной творческой интеллигенции, ни тем более от властных структур соответствующих национальных республик Гумилев никогда не получал; только в Азербайджане на русском языке вышла в свет книга «Тысячелетие вокруг Каспия».

Неужели СССР в брежневскую эпоху застоя и, тем более, позже, был настолько «имперской» страной, что лидеры союзных республик (сегодняшние президенты стран СНГ) не могли быть самостоятельными в таких вопросах? Вопрос сугубо риторический, поскольку идеологическая верность «Центру» в основном уже выражалась в ритуальных национальных торжествах во время редких визитов Генерального в ту или иную республику. Значит, могли, но не сочли нужным» (Лавров С.Б. Судьба и идеи. М., 2007).

В.Ю. Ермолаев, аспирант Гумилева и первый председатель фонда его имени вроде бы все подтверждает: «Такого рода не то чтобы равнодушие, а скорее безразличие представителей власти и интеллигенции евразийских народов к возводимой на них клевете не могло не вынуждать Льва Николаевича к некоторым эмоциональным пережестам: в одном из своих интервью он с горечью восклицал: «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы...». Думается, в отношении Л.Н. Гумилева к степнякам было что-то от вполне понятной идеализации, ибо восприятие им

КАЗАХСТАН — В БУДУЩЕЕ

В результате сподвижники и ученики Л.Н. Гумилева порой готовы обвинять означенных братьев в бесчувствии, транспонируя ситуацию в советской системе на более поздние времена, что не совсем справедливо. Например, С.Б. Лавров говорил так: «Возникает закономерный вопрос: почему Гумилев, посвятивший всю сознательную жизнь разоблачению «черной легенды», безмерно любивший и уважавший народы Востока, в трудные для него годы не получил конкретной помощи от «сильных мира сего» в мусульманских республиках Союза? Это замечал не только я, но и автор предисловия к «Черной легенде», ученик Льва Николаевича Вячеслав Ермолаев. Он писал, что Гумилеву прислали массу писем и поздравлений из Монголии, Татарии, Казахстана, Средней Азии, его приглашали в гости, к нему приезжали

истории Великой степи, будучи строго научным, оставалось вместе с тем и весьма личностным. И у кого повернется язык поставить подобное восприятие в вину Льву Николаевичу? Оставаясь корректным в своих работах как ученый, он, как человек, сохранял свою систему эмоциональных предпочтений, на что имел бесспорное право».

Столь жесткие оценки требуют комментария, поскольку взаимоотношения тюркских народов и Льва Гумилева оценивались его непосредственными сподвижниками по-разному.

Все мы жили в одном «лагере» — социалистическом. И говорить, что национальные республики должны были первыми протянуть руку помощи Гумилеву в трудную пору академической травли, не совсем корректно. А почему не русские люди, не Россия, РСФСР? Ведь Лев Гумилев —

патриот, и в первую очередь среди соотечественников должен был обрести поддержку. Но не обрел. Потому что политическая система в России ничем не отличалась от системы в Казахстане или других республиках СССР.

Так что вопрос не в том, какая из республик обязана была протянуть руку помощи. А в том, можно ли было вообще помочь в сложившейся политической системе.

Все мы должны были помочь Гумилеву. Но не могли. Просто не имели системной возможности.

А на личностном уровне уважение к Гумилеву только росло. С.Б. Лавров: «Писали ему отовсюду и с разными целями. Хотели чем-то обрадовать: вот в скромной открытке сообщалось, что в Новгороде-Северском открыт музей «Слова о полку Игореве», уйгур из Алма-Аты писал, что хочет быть посредником в распространении научных находок ученого среди своего народа, и в семи газетах на уйгурском уже появились гумилевские статьи (1977 г.). Другие о чем-то просили. Иногда совсем неожиданно и абсолютно незнакомые люди. Есть в архиве письмо от Александра Потапенко из опытного хозяйства Института виноградарства в Новочеркасске. После чтения «Открытие Хазарии» сообщал, что солидарен с автором: именно хазары выступали распространителями пристрастия к виноградарству. Потапенко был не совсем бескорыстен: просил ученого написать отклик на его книгу об истории виноградарства. Отзыв Гумилева вскоре появился в журнале «Природа».

Многие казахстанские интеллектуалы, находясь в Ленинграде, искали встречи с ученым, чтобы выразить почтение. Иным удавалось, остальные склонны были считать даже сами поиски святым для себя делом.

Справедливости ради следует добавить, что в советское время людей в Казахстане, знакомых с трудами Гумилева, было не так много. В основном это был узкий круг интеллектуалов. И если уж в Москве и Ленинграде, где было больше возможности добыть, например, ксерокопию работы «Этногенез и биосферу Земли» из ВИНИТИ, научное руководство не могло или не хотело издавать его работы большими тиражами, то что можно говорить о периферийных республиках?

Косвенное подтверждение дает С.Б. Лавров: «В течение 20 лет я не слышал ни одного отзыва на книгу «Древние тюрки», никакого резонанса. Первые, кто отозвались, были якуты. После этого заинтересовались казахи. Но они мне сказали, что впервые, когда вышла эта книга, они не поверили, что где-то в Москве или Ленинграде о казахах или тюрках могут писать добродушно. Гумилев еще до всех коллизий с «обсуждением-осуждением» писал П. Савицкому: «Тюрки» вдвое толще «Хуннов», хотя период, охваченный исследованиями, вдвое меньше. Я «тюрк» люблю больше, потому что в VI–VIII вв. гораздо живее можно представить людей и события. Со многими ханами и полководцами я смог познакомиться, как будто они не истлели в огне погребальных костров 1300 лет назад. Тут я смог применить свое знание тюркского и персидского языков».

Впрочем, ближайшие соратники ученого и Лавров и Ермолаев в непосредственном анализе достаточно объективно характеризовали глубинные истоки столь подозрительного для многих комплиментарного отношения ученого к тюркским народам.

Сергей Борисович Лавров: «Еще в юности, в начале 30-х годов, когда он работал в Таджикистане малярным разведчиком, произошло знакомство Л.Н. Гумилева с Востоком. Потом лагерная эпопея прервала востоковедческие исследования почти на три десятка лет, и только в 60-х годах родилась его знаменитая «Степная трилогия».

Л.Н. Гумилев первым возвысил свой голос в защиту самобытности тюрко-монгольской истории. Первым выступил против евроцентристской легенды о татаро-монгольском иге, об извечной вражде кочевников Степи с оседлыми земледельцами. И выявил, что не было некоей непрерывной войны не на

жизнь, а на смерть, а была система динамичных и сложных политических отношений при неизменности симпатий и уважения этнического своеобразия друг друга. «Плоды пылкой фантазии, воспринимаемые буквально, — заключал автор, — породили злую, «черную» легенду о монгольских зверствах».

В своей последней книге Гумилев-историк, продолжая борьбу со «злой легендой», дал много нового, нестандартного. Таково, например, разоблачение устоявшейся версии о событиях начала XIII в. в Средней Азии. Версия эта, гласящая: «дикие кочевники разрушили культурные оазисы земледельческих народов в бассейнах Сырдарьи и Амударьи», — создавалась, как отмечал Л.Н. Гумилев, придворными мусульманскими историографами. А действительность была совсем иной. В древнем Хорезме солдаты-тюрки составляли главную военную силу. От них страдало и против них восставало население Самарканды, Бухары, Мерва. При этом хорезмшах Мухаммед сам был инициатором войны с монголами «только из-за того, что степняки не верили в Аллаха». Легендой являются и сведения о Мерве, который восстанавливал численность своих вооруженных отрядов и восставал через год после очередного «тотального разорения».

Лев Николаевич всегда писал правду о евразийских народах, испытывая к ним огромную любовь и симпатию. «Лично мне, — говорил он, — тесные контакты с казахами, татарами, узбеками показали, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренне доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев. Ведь сами они свой стиль поведения никому не навязывают» («Известия», 13 апреля 1988 г.).

Вячеслав Юрьевич Ермолаев: «Лев Николаевич Гумилев первым возвысил голос в защиту самобытности тюрко-монгольской истории и культуры, которым ранее неизменно откачивалось в праве на равноценность с историей европейской или китайской. Гумилев первым выступил против европоцентристской «черной легенды» о татаро-монгольском иге, об извечной вражде кочевников Степи с земледельцами Леса. Именно Льву Николаевичу принадлежит честь переосмысления на основе строго научной фактологии той роли, которую играли тюркские и монгольские народы в истории России. И оказалось, что не было непрерывной войны не на жизнь, а на смерть, не было ненависти, а была система динамичных, крайне сложных политических отношений при неизменном чувстве симпатии и уважении этнического своеобразия друг друга. Оказалось, что не было у народов Великой степи патологической жестокости и склонности к разрушению достижений культуры. Напротив, представители Великой степи всегда исповедовали убеждение, что «за удачу в бою не судят, а предательства не прощают». Конечно, стереотипы поведения этих народов были отличны от европейских, но это не значит, что они были хуже — они были просто другими. Но мало того, стереотипы Степи русским долгое время казались предпочтительнее европейских или китайских!

Л.Н. Гумилев сформулировал доказательную концепцию естественного братства русского народа с народами тюркскими и монгольскими. Можно без всяких сомнений утверждать, что это братство стало для него нравственным императивом».

Ермолаев словно опровергает себя: обвинение современных тюркских народов, казахов в том числе, в равнодушии к судьбе ученого несостоятельно. Его братское отношение к тюркам имело не только эмоциональное, но и глубокое мировоззренческое и научное обоснование. Оно складывалось порой причудливым образом, о чем ученый, не без иронии называя пребывание в лагерях исключительно благоприятным времяпровождением, рассказывал в статье «Мифы и реальность этносферы» (Дружба народов, 1989, №11): «Я занимался историей, в частности, историей этносов. Обстоятельства же этих занятий сложились так, что у меня в 1938 году оказалось очень много свободного времени. И я обдумывал

исторические коллизии. Потом я получил возможность проверить эти мысли на межэтнических отношениях в условиях, исключительно для этого благоприятных, когда мы все ходили в одних и тех же одеждах, в телогрейках и ватных штанах, и работали одну и ту же работу. Мы ничем друг от друга внешне не отличались, и тем не менее, этнический момент был господствующим. Не только казахи и узбеки не спали в одном месте и вместе не кушали, но даже казахи Большого жуза, Среднего жуза и Малого жуза выбирали друзей среди «своих». Это меня заинтересовало. Затем у меня была еще более широкая возможность для наблюдений, поскольку к нам привезли и немцев, и эстонцев. У каждого был свой тип, и свой склад. Они держались заодно, все вместе, стояли друг за друга. С китайцами мне было труднее объясняться и общаться, чем с тюрками. С тюрками-то я поладил. С китайцами было труднее, потому что у них совсем другая ментальность. Но, к счастью, нашелся там маньчжур. А маньчжур говорит и думает примерно так же, как представители наших сибирских народов. Поэтому мы очень подружились. Он мне переводил — я китайского не знаю. И в результате у меня сложилась концепция, которую я изложил в «Этногенезе и биосфере Земли» и, кроме того, в ряде статей и интервью, одно из которых (в газете «Известия») называлось так: «Человечество превышает всего» Это название не я придумал, но я с ним не спорю, я, в общем, согласен, с тем уточнением, что это не решение вопроса, а лишь постановка его. А что такое человечество? Почему оно существует так долго? Почему, будучи совершенно неподготовленным к реальной жизни в природных условиях планеты, оно оказалось на ней ведущим, господствующим видом, распространилось по всей суше и большей части мелких морей Земли? Ответ прост: структура человечества мозаична. Она состоит не из особей, двуногих и без перьев, а из этносов, из системных ценностей, которые очень индивидуальны».

Доказывая в другой статье («Юность», 1990, №2), что этнос, как любое природное явление, дан людям в ощущениях, Гумилев приводил пример из того же лагерного опыта: «На «великих стройках коммунизма», где я был, все говорили по-русски с добавлением слов нецензурных. Это не мешало, скорее помогало. Но там же были и казахи, и корейцы, и русские, и немцы, и китайцы, и латыши. Отличались ли они друг от друга? Еще как! И каждый помогал своим И каждый в случае чего держался за своих. Причем большие народы, такие, как казахи, еще делились. Были казахи Большой Орды — Улу-джус, и Малой Орды — Киши-джус, и Средней Орды — Урта-джус. Это деление они сохраняли. Условия в тех местах были довольно тяжелые, так что люди старались помогать друг другу: жить такими маленькими объединениями по два-три человека, которые в просторечии назывались «колхозами».

Возможно, из этих текстов черпал информацию Абрар Гибадуллин Каримуллин, когда писал вступительную статью к библиографии ученого: «В начале 1938 года Л.Н. Гумилев был арестован, будучи студентом ЛГУ, и осужден на пять лет. От звонка до звонка находился в Норильске, Норильлаге, работал в медно-никелевой шахте. Срок окончился в 1943 году, и он был оставлен там же без права выезда. И после окончания срока в Норильске работал техником-геологом. В бараке жил по соседству с татарами и казахами и выучил татарский, казахский — тюркские языки».

К этому периоду относятся сведения о том, что отец Олжаса Омаровича Сулейменова, поэта, общественного и государственного деятеля, в лагере находился рядом с Гумилевым: «Олжас родился в семье Омархана Сулейменулы, прямого потомка великого Олжабай батыра, офицера казахского кавалерийского полка, репрессированного в 1937 г. Позже Лев Гумилев сообщил Олжасу, что сидел с его отцом в норильском лагере, где того расстреляли» (Сапаралы Б.Т. Олжастың балалық шағы. Алматы, 1996).

Все эти примеры свидетельствуют о неслучайном характере добрых чувств ученого к казахам, Казахстану, и настойчиво подводят к мысли об общности судьбы. Гумилев говорил, что с тюрками - казахами, узбеками в лагере он поладил, не вдаваясь в мотивы лагерной комплиментарности. Мы сами должны догадаться, а точнее, припомнить из его произведений, что русских людей и тюрков роднит не только современное территориальное соседство и разносторонняя интеграция, но более глубинная общая евразийская история, уходящая корнями в домонгольскую эпоху, во времена зарождения и консолидации Древней Руси, дополненная последующими союзническими отношениями правителей степи и русских князей.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в первые же годы независимости в Казахстане возник всплеск интереса к сочинениям Гумилева. Книги ученого стали издаваться в Казахстане не меньшими тиражами, чем в России.

«...НЕ БЫЛО У НАРОДОВ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЖЕСТОКОСТИ И СКЛОННОСТИ К РАЗРУШЕНИЮ ДОСТИЖЕНИЙ КУЛЬТУРЫ. НАПРОТИВ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ ВСЕГДА ИСПОВЕДОВАЛИ УБЕЖДЕНИЕ, ЧТО «ЗА УДАЛЬ В БОЮ НЕ СУДЯТ, А ПРЕДАТЕЛЬСТВА НЕ ПРОЩАЮТ»

А недоумение С.Б. Лаврова: «Неужели в СССР в брежневскую эпоху застоя лидеры союзных республик не могли быть самостоятельными?» — несколько наивно. Не могли. Шли в общем строю, оставаясь в номенклатурной обойме. Любой шаг в сторону строго карался. Лишь изредка, вероятно, совершенно случайным образом работы Льва Гумилева выходили в казахстанских научных изданиях, как, например, довольно солидная статья «Древняя Русь и Кыпчакская Степь в 945—1225 гг.» (Тезисы докладов и сообщений географической конференции. Алма-Ата, 1980). А вот после распада СССР диктат Центра исчез, и казахстанцы смогли, наконец, в полной мере ответить великому евразийцу взаимностью.

Большую часть жизни Лев Николаевич писал «в стол». В полном объеме труды увидели свет только после ухода из жизни ученого. Многие преграды исчезли только тогда, когда перестал существовать Советский Союз, а новообразованные государства провозгласили демократический путь развития. Популярность его достигла невиданных для ученого мира размеров. Научные конференции, посвященные его жизни и творчеству, проводились одна за другой, обогащая науку новыми сведениями. Евразийская концепция Гумилева из научной доктрины трансформировалась в практическую программу политиков. И, как апофеоз признания, в Астане, столице Казахстана, был учрежден Евразийский национальный университет имени Льва Николаевича Гумилева, основанный Указом Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева от 23 мая 1996 г.

Это был, говоря словами С.Б. Лаврова, триумф после смерти.